

Амфитеатров Александр Валентинович

Курганы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А63

А63 **Амфитеатров А.В.**
Курганы / Амфитеатров Александр Валентинович – М.: Книга по Требованию,
2024. – 368 с.

ISBN 978-5-517-96820-3

ISBN 978-5-517-96820-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Я не зналъ, какъ я тебя любилъ,
Я далеку тебѣ живому былъ,
Я кипѣлъ и пламенѣлъ въ борьбѣ—
Рѣдко помнилъ, думалъ о тебѣ...

Злая вѣсть пришла издалика—
Затряслась съ письмомъ моя рука,
Къ горлу шаръ тяжелый подошелъ...
Я прочелъ письмо иль не прочелъ?

И хожу, хожу... а мыслей нѣтъ!
И одѣлся въ трауръ кабинетъ,
И пятно заката на стѣнѣ
Позолотой гроба мнится мнѣ!

О, какъ мѣръ внезапно опустѣлъ!
Безъ души осталось сколько тѣлъ!
Потому что ихъ душа была—
Только свѣтъ отъ твоего чела.

Сквозь погостъ не жившихъ мертвецовъ,
Безъ могилъ, безъ пѣнъ и вѣнцовъ,—
Какъ сокрытый богъ, свершилъ ты путь,
И скорбѣлъ, и говорилъ имъ:—Будь!

И рыдали мертвые глаза,
И живила ѣдкая слеза...
Чтобы жизнь въ ихъ тлѣніе пролить,
Даль свою ты душу раздѣлить!

И живеть, живеть твоя душа,
Какъ луна, свѣтла и хороша,
Въ каждой скорби-грусти на Руси,
Гдѣ ни глянь, кого ни спроси...

...Меркнетъ западь, въ городѣ огни,
Барки спятъ подъ берегомъ въ тѣни,
Лаеъ песь, на ночь освирѣпѣвъ,
На рѣкѣ—гармоники напѣвъ.

Дѣтка плачетъ, женщина поетъ,
По доскѣ чугунной сторожъ бьетъ,
Зашумѣлъ-запѣлъ кленовый садъ...
Это—ты, усоншій богъ и братъ?

Всюду, гдѣ тоскуетъ красота,
Скорбь твоя росю разлита...
Никогда мнѣ ближе ты не былъ!
Я не зналъ, какъ я тебя любилъ!

2 іюля 1904 г.
Вологда.

II.

Прекраснымъ свѣтлымъ вечеромъ 2-го іюля получилъ я телеграмму о смерти Антона Павловича Чехова. Подъ окнами моего дома—яркая излучина рѣки, видная далеко-далеко на востокъ и на западъ. Рѣка жила, въ печальномъ огнѣ заката, усыпанная десятками лодокъ. Скрипѣло концертно. Пѣли хоромъ молодые голоса:

Хорошо было дѣтинушкѣ
Сыпать ласковы слова,
Да трудненько Катеринушкѣ
Парня ждать до Покрова!..

И хотѣлось мнѣ выбѣжать на бугоръ надъ излучиною и крикнуть имъ туда, на рѣку:

— Не пойте! Антонъ Павловичъ Чеховъ умеръ!..

И зналъ я, что, если выбѣгу и крикну, то замолкнутъ, скованные ужасомъ, голоса, и онѣмѣетъ унылая рѣка, и надвигающіяся сумерки накроютъ ее, какъ черный трауръ. Потому что голосъ мой, отравленный рыданіями, прозвучалъ бы тою же безысходною тоскою, какъ тотъ голосъ, который возвѣстилъ когда-то греку-корабельщику въ Ионическомъ морѣ:

— Скончался великій Панъ!

Да! умеръ великій Панъ! великій Панъ русской природы русскаго бытового уклада, разносторонней русской скорби, немногихъ, скромныхъ и робкихъ русскихъ радостей. Умеръ человекъ, который дышалъ одною жизнью съ

Россіей, который весь былъ сотканъ изъ русской стихіи, грустной, покаянной, самопровѣряющей, самобичующей... Умеръ гениальный художникъ, проникновеннымъ чутьемъ своимъ создавшій столько русскихъ, неотъемлемыхъ отъ насъ, плоть отъ плоти и кость и костей нашихъ, типовъ, что если бы собрать и поселить вмѣстѣ всѣ дѣйствующія лица Чехова, то возникъ бы цѣлый уѣздный городъ. И былъ бы онъ—настоящій русскій городъ, такой какъ почти всѣ наши великорусскіе города: географическая точка мѣсто-нахожденія въ одномъ сборномъ пунктѣ нѣсколькихъ тысячъ людей, недоумѣвающихъ, зачѣмъ они существуютъ, зачѣмъ тянулось и извивалось ихъ прошлое, куда поведетъ будущее, и стоитъ ли его ждать...

Сейчасъ не время и не мѣсто оцѣнивать и подсчитывать громадность потери. Она ошеломляетъ, подавляетъ, отъ нея, проклятой и неожиданной, опомниться нельзя! Боже мой! Передо мною лежитъ его недавнее письмо—милое, веселое письмо о «Вишневомъ садѣ», съ бодрими шутками, съ обѣщаніемъ скоро увидѣться... Боже мой! Онъ только что собирался ѣхать на войну, врачомъ, изучать, какъ убиваютъ другъ друга и умираютъ другъ отъ друга, охваченные стихіей разрушенія, люди... Боже мой! Давно ли онъ улыбался Москвѣ,—кто думалъ, кто могъ, кто посмѣлъ бы думать, что прощальною улыбкою?

Я узналъ Антона Павловича двадцать два года назадъ, въ редакціи юмористическаго журнала, когда онъ былъ молодой, здоровый, веселый, полный какой-то почти произвольной даже, механической будто, наблюдательности, со смѣхомъ въ юныхъ глазахъ и серьезными складками надъ глазами,—когда онъ звался Антошею Чехонте и говорилъ мнѣ своимъ глуховатымъ басомъ:

— Когда мнѣ будутъ платить 15 копеекъ за строчку, я закажу себѣ фракъ и стану думать, что я великій писатель.

Обманывалъ ты, лгалъ на себя—никогда не лгавшій

человѣкъ! Строки Чехова давно уже стали драгоценнѣе золота, а великимъ писателемъ считать себя онъ такъ и не выучился, и когда чья-либо восторженная критика или благоговѣйная бесѣда говорили ему: пойми же самого себя, взгляни и возрадуйся, какъ ты великъ!—онъ отступалъ, смущенный, сконфуженный, почти въ испугѣ. Чеховъ былъ человѣкъ скептицизма истинно трагическаго. Онъ чувствовалъ себя въ жизни, какъ чувствовалъ бы естествоиспытатель огромныхъ знаній и притомъ съ зрѣніемъ, обостреннымъ до силы микроскопа. Онъ проникалъ и въ другихъ, и въ самого себя до послѣднихъ глубинъ человѣческой природы, до мельчайшихъ пружинъ ея таинственнаго механизма. И вотъ, въ концѣ концовъ, онъ изъ говорливаго юноши, съ смѣющимися глазами, переродился въ молчаливаго, преждевременно пожилого человѣка, а въ глазахъ его появилась и застыла ясная и неподвижная, внутрь себя обращенная, скорбь—роковая скорбь страдающаго «человѣкобога», ушедшаго въ прозорливыя тайны самопознанія, недоступныя къ пониманію даже лучшимъ изъ умовъ обыкновенныхъ, и потому одинокаго, одинокаго, одинокаго въ жизни, какъ—печальный полубогъ-полувѣръ,—мечтающій сфинксъ среди пустыни. Мы знаемъ много мыслей Чехова, а я все-таки думаю, что онъ успѣлъ бросить намъ лишь крупичицы своей бездонной души,—снялъ лишь верхній слой богатаго закрема. Въ этомъ человѣкѣ, помимо всего, что онъ явно творилъ, всегда тлѣла особенная, внутренняя работа, таинственно,—можетъ быть, даже не всегда сознательно для него самого,—подготавливавшая его будущія откровенія. И владѣла имъ эта пожирающая сила мучительно и властно, и затаивалъ онъ въ себѣ власть ея, чтобы не остаться непонятымъ и страннымъ, даже предъ самыми благожелательными—больше, даже предъ самыми близкими и родными людьми. Мнѣ извѣстны случаи, когда инымъ поверхностно-умнымъ охотникамъ поговорить съ знаменитостью

и даже специалистамъ по этой части, Чеховъ не только не нравился, но даже казался... глупымъ! Покойный Курепинъ, обожавшій дарованіе Чехова и едва ли не первый благословившій его въ печать, такъ и умеръ въ убѣжденіи, что Чеховъ—огромный талантъ, но плохая голова, да еще скрытная, черствая натура. А, между тѣмъ, были уже написаны и «Скучная Исторія», и «Дуэль», и «Степь»!.. Всю силу и глубину мягкой до дѣтскости, любвеобильной души Антона Павловича можно было взять сразу только инстинктивнымъ сочувствіемъ; исподволь онѣ требовали очень пристальной и любовной вдумчивости. Надо было полюбить его и повѣрить ему,—тогда сфинксъ открывался вамъ, краснорѣчивый уже въ молчаніи своемъ, не нуждаясь пояснять себя многими словами, и росъ, росъ громадою, пока не заслонялъ собою весь вашъ умственный горизонтъ. И тогда, въ священномъ трепетѣ, вы понимали, проникаясь имъ во всемі существѣ своемъ, что предъ вами—человѣкъ великій.

Я, послѣ молодыхъ лѣтъ совмѣстной работы, встрѣчалъ, видалъ Чехова и переписывался съ нимъ—все черезъ большіе промежутки времени, рѣдкими урывками. И, при каждой новой встрѣчѣ, я поражался, какъ быстро и полно мудрѣлъ и старѣлъ внутри себя этотъ огромный умъ. Къ сорока годамъ у Чехова былъ уже взглядъ вѣщаго пророка, съ памятью нѣсколькихъ столѣтій, съ печальнымъ опытомъ позади, безъ радости въ думахъ о будущемъ. Всѣ знаютъ, какъ скромнѣе былъ Чеховъ. Онъ едва ли не единственный крупный нашъ писатель, о которомъ рекламы нѣтъ и не было даже въ формѣ «анекдотовъ изъ жизни». Публика любитъ рассказы о разсѣянности писателей. Не думаю, чтобы Чехова можно было назвать разсѣяннымъ,—слушалъ и наблюдалъ онъ съ изумительно чуткимъ и терпѣливымъ вниманіемъ. Но за разсѣянность можно было иногда принять то хроническое состояніе задумчивости, «зрѣнія, обращеннаго внутрь

себя», о которомъ я говорилъ выше и которое, когда Чеховъ не слѣдилъ за собою, вырывалось вслухъ словами, врядь ли вполне чайными для него самого и вполне неожиданными для собесѣдника. Въ 1892 году я сидѣлъ у него на Малой Дмитровкѣ и рассказывалъ объ Италіи, откуда только-что возвратился. Антонъ Павловичъ ходилъ по кабинету, спрашивалъ, о себѣ кое-что рассказывалъ. Потомъ разговоръ перешелъ на стороннія, обще-литературныя темы. И вдругъ глаза мои встрѣтили уже знакомый, ясно и отвлеченно осмысленный, взгляды человѣка, необычайно важно задумавшагося о чемъ-то далекомъ другомъ, и меланхолическій басокъ прогудѣлъ мягко и рѣшительно:

— Надо ѣхать въ Австралію...

А затѣмъ Антонъ Павловичъ спохватился, даже слегка покраснѣлъ и живо возвратился, въ разговорѣ, «на первое».

Въ творествѣ онъ выливался весь, полнымъ воплощеніемъ мысли, какъ выносилъ ее и сумѣлъ сказать—до самаго дна. Печатными листами или текстомъ для сцены, онъ давалъ все, что самъ зналъ о предметѣ дѣйствія и характерахъ его героевъ, и еще дальнѣйшихъ объясненій было требовать отъ него уже напрасно. Артисты московскаго Художественнаго театра неоднократно рассказывали мнѣ, какъ плачевно кончались попытки вызвать Чехова на толкованіе написанныхъ имъ ролей. Твердо высказавшійся авторъ смущался, какъ застигнутый врасплохъ, улыбался и гудѣлъ какую-нибудь общую, ничего не прибавляющую, характеристику, вродѣ:

— Послушайте... знаете, онъ человѣкъ такой... веселый.

Или:

— У него свѣтлыя пуговицы.

Впечатлѣніе, однажды захваченное его наблюдательнымъ механизмомъ, оставалось въ Чеховѣ жить навсегда,

покуда, выработавшись, не вырывалось какимъ-либо чаяннымъ или нечаяннымъ экспромптомъ. И это—до мельчайшихъ мелочей. Мнѣ рассказывалъ А. Л. Вишневскій (артистъ московскаго Худож. театра): Чеховъ остался чѣмъ то недоволенъ въ первомъ представленіи «Дикой Утки» или другой какой-то пьесы Ибсена и не умѣлъ или не хотѣлъ выразить, чѣмъ именно. Прошло три мѣсяца. Чеховъ и Вишневскій въ подольскомъ имѣніи Антона Павловича удятъ рыбу. Молчатъ. И вдругъ Вишневскій слышитъ, что Чеховъ смѣется, какъ ребенокъ.

— Что вы, Антонъ Павловичъ?

— Послушайте же, нельзя Артему Ибсена играть!

А объ Ибсенѣ всѣ забыли уже и думать! А онъ думалъ...

Художественный театръ звали, и справедливо, театромъ Чехова. Но и благодарный Чеховъ, воскрешенный этимъ театромъ къ призванію и успѣху драматурга, послѣ недостойнаго отношенія къ пьесамъ его на казенныхъ сценахъ, сроднился съ Художественнымъ театромъ до полной неразрывности. Женитьба писателя на талантливой артисткѣ О. Л. Книпперъ закрѣпила его тѣсное дружество съ дѣломъ Станиславскаго и Немировича-Данченко. Врядъ ли Антонъ Павловичъ меньше любилъ театръ ихъ и думалъ о немъ не столько же, какъ они сами. Въ письмѣ, полученномъ мною отъ Чехова всего шесть недѣль назадъ, дышитъ такая теплая, хорошая любовь къ этому симпатичному дѣлу.

Разумѣется, не Чехову было жаловаться на неудачи въ литературной карьерѣ. Онъ былъ признанъ и публикою, и критикою почти съ первыхъ своихъ начинаній, едва изъ московскаго «Будильника» перешель въ петербургскіе «Осколки» и создалъ для нихъ сотню миниатюръ, сложившихъ потомъ, впервые прославившіе его, «Пестрые рассказы». Затѣмъ—новременскій періодъ, съ почти влюбленнымъ благоговѣніемъ къ Чехову А. С. Суворина. За-

тѣмъ — «Русская Мысль», «Сѣверный Вѣстникъ» и тѣсный союзъ съ передовою частью русской печати. Затѣмъ — періодъ Художественнаго театра, европейская слава, обезпеченное положеніе... казалось бы, счастливицомъ путь-дорогу совершилъ, совсѣмъ *Sonntagskind*, въ сорочкѣ родился! А, между тѣмъ, этотъ счастливецъ томился глубокимъ и искреннимъ самонедовольствомъ, полнымъ недовѣрія къ существу своего успѣха и, — быть можетъ, больше того, — тяжелыхъ сомнѣній въ самой нужности своего творчества. Только, когда я видѣлъ Чехова по возвращеніи съ Сахалина, то нашелъ его, хотя очень мрачнымъ, но собою какъ будто довольнымъ, въ живомъ сознаніи, что онъ сдѣлалъ важное общественное дѣло, значеніе котораго не можетъ подлежать спору. Я не скажу, чтобы Антонъ Павловичъ былъ совершенно равнодушенъ къ *неуспѣху* своихъ произведеній: напримѣръ, нелѣпный провалъ «Чайки» Александринскимъ театромъ страшно потрясъ писателя и несомнѣнно отнял у его жизни нѣсколько мѣсяцевъ, если не лѣтъ. Но успѣхъ свой онъ принималъ какъ-то грустно, скептически, не безъ печальной насмѣшки втайнѣ и надъ самимъ собою, и надъ честию воздающими... Пессимистическій потомокъ Экклезіаста, онъ носилъ его начертаніе въ сердцѣ своемъ: *vanitas vanitatum et omnia vanitas*. Я вспоминаю Чехова, послѣ первыхъ петербургскихъ лавровъ и пушкинской преміи, въ дружескомъ домѣ одного московскаго поэта, угрюмымъ, какъ ночь.

Спрашиваютъ его:

— Что же вы подѣлывали въ Петербургѣ?

— Учился говорить генеральскимъ басомъ.

Хозяйка его попрекнула:

— Вы насъ совсѣмъ забыли, Антонъ Павловичъ. Отчего перестали у насъ бывать?

Онъ усмѣхнулся и отвѣтилъ:

— Да, вотъ, говорятъ, мы, великіе люди, должны знаться тоже только съ великими.

Фраза эта совсѣмъ ошеломила-было бѣдную даму, но когда она, вскипѣвъ, пристально взглянула на Чехова, то встрѣтила такой печальный взглядъ, такую страдальческую улыбку, что сразу поняла тяжелую иронию отвѣта. Величіе упало на плечи Чехова, какъ неожиданный, сверхсильный грузъ, и онъ потомъ, до конца дней, все щупалъ свои мускулы: въ подъемъ ли? выдержу ли? оправдаю ли? Его долго мучила мысль, что онъ не написалъ романа (чѣмъ, кстати сказать, часто и безъ толка попрекала его критика), и, сколько разъ ни видалъ я его до 1898 года, въ каждое свиданіе онъ намекалъ на начатый или задуманный планъ романа. Взыскательность его къ себѣ въ литературной работѣ и требовательность въ томъ отношеніи, что надо писать только дѣло, дошла въ послѣдній, болѣзненный годъ жизни, до безпощаднаго чирканья страницы за страницею, слова за словомъ.

— Помилуйте!—возмущались друзья:—у него надо отнимать рукописи. Иначе онъ оставитъ въ своемъ разсказѣ только, что—они были молоды, влюбились, а потомъ женились и были несчастны.

Упрекъ этотъ былъ поставленъ прямо самому Чехову. Онъ отвѣчалъ:

— Послушайте же, но, вѣдь, такъ же оно въ существѣ и есть.

Почетомъ Чеховъ дорожилъ совсѣмъ мало. Человѣкъ отнюдь не боевой, онъ не стремился въ вожди, не хотѣлъ и не умѣлъ быть воителемъ, но въ доблести стоять на своемъ убѣжденіи противъ какихъ бы то ни было сильныхъ теченій врядъ ли много ровесниковъ у Чехова среди интеллигентной Россіи *). Какіе бы вѣтры ни дули, онъ, русскій Экклезіастъ, стоялъ подъ ними недвижимый и печальный, и говорилъ правду, одну голую, горькую правду.

*) Достаточно вспомнить его благородный отказъ отъ званія академика, когда полицейскимъ вмѣшательствомъ лишень былъ этого званія Максимъ Горькій.